

С. С. Волков

ИНОЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКА В ЧЕЛОБИТНЫХ XVII ВЕКА*

Проблема языковых контактов и лексических заимствований — одна из центральных историко-лексикологических проблем, поскольку взаимодействие с другими языками и усвоение из них слов и устойчивых словосочетаний было постоянно действующим источником пополнения лексико-фразеологического состава русского языка на всем протяжении его истории.

Рассматривая словарный состав русского языка позднего средневековья, периода, когда начинается процесс сложения русской нации и русского национального языка, В. Христиани и Н. А. Смирнов¹ выделили Петровскую эпоху как время интенсивного заимствования и усвоения иноязычной лексики. Несмотря на многочисленные поправки к данным В. Христиани и Н. А. Смирнова, сделанные последующими учеными², которые указывали на появление уже в конце XV–XVII вв. ряда заимствованных слов, вошедших в русский язык якобы лишь в Петровскую эпоху, несмотря на появление фундаментального исследования о языковых контактах и заимствованиях в русский язык XVIII в.³, где также был сделан ряд существенных уточнений, вопрос о времени заимствования и усвоения русским языком большого количества слов иноязычного происхождения остается еще открытым⁴. Существенное значение при этом имеет недостаточная изученность словаря обильной письменности второй половины XVI и XVII вв.

Определяя время заимствования и усвоения того или иного иноязычного слова, исследователи опирались преимущественно на памятники литературно-книжного характера (литературные, исторические, научно-технические, географические и другие оригинальные и переводные произведе-

---

* Статья является разделом исследования о лексике челобитных XVII в., однако в окончательную редакцию монографии С. С. Волкова «Стилевые средства деловой письменности XVII века: на материале челобитных» (СПб., 2006) не была включена. Написана во второй половине 70-х годов XX в. Публикация подготовлена С. Св. Волковым и О. С. Мжельской.

дения), памятники деловой письменности официального характера (акты дипломатических отношений, межгосударственные договоры, статейные списки русских посольств в разные страны, вести-куранты и подобные). Фиксация того или иного слова иноязычного происхождения в указанных текстах не дает окончательного ответа на основной вопрос: когда же это слово стало достоянием общенародной речи, когда оно действительно было полностью усвоено русским языком⁵.

Тесная связь языка челобитных с обиходно-разговорной речью людей XVII в. позволяет предположить, что употребление в анализируемых документах иноязычных по происхождению слов является свидетельством их усвоения общенародной разговорной речью.

Анализ словарного состава челобитных дал возможность выделить 196 иноязычных слов, которые не зафиксированы историческими словарями в письменности до конца XV — начала XVI в. Кроме этого, 32 иноязычных слова (корня) представлены в составе русских слов, образованных на основе заимствованных. Таким образом, в челобитных обнаруживаем 228 иноязычных слов.

Представленные в исследованных челобитных заимствования относятся к следующим тематическим группам.

1. Названия лиц по служебному положению, должности, профессии, занятию и т. д.: *абыз, агент, балверь* ‘цирюльник-лекарь’, *баты(р)щик* ‘типографский работник, печатник’, *бурмистр, вязень, гайдук (гайдуцкий)*⁶, *генерал (ганарал, генарал, енерал, янарал), гетман, голдовник, губернатор, драгун, есаул, канцлер, капитан, капрал, каптенармус, командант, комиссар, лавник, левойт, молебаи(и), маршалок, меццинин, мураз, пан, радный пан ‘судья’, пахолок, подножек ‘холоп, вассально зависимый’, подканцлер (подканцлеров), полковник, порутчик, райца ‘член рады — совета’, ратман, резидент, рейтар, референдарь, ротмистр (рохмистр), секретарь, сержант, солдат, тайша, тередорицк ‘печатник’, урядник, фактор, хорунжий, чауш, чумак, шавкал, шкипарь, шляхта и шляхтич*. Сюда же отнесем названия лиц по национальности или государственной принадлежности: *арапчанин, аглинец, анбулак (анбулук), голландец, греченин, поляк, турченин, черемис, черкас (черкашенин), чуваш* и др. Ряд слов этой группы представляет собой русские образования от заимствованных основ: *барабаницк, барышник, будник* ‘работник лесной смолокурни и поташного производства’, *бунтовцик, пинарицк* (от *пинарда* ‘подрывной заряд, петарда’).

2. Военная лексика: *башия, бердыш, карабин, кинжал, кистень, ля-дунка, мушкет, пинарда, пистолет (и пистоль), похвы ‘ножны’, пулька, рота* ‘воинское подразделение’, *саодак, таблор* ‘укрепленный военный лагерь’, *ясырь* ‘пленники’.

3. Торговая лексика, названия мер, денежных единиц и др.: *аришин*, *барыш* (*барышинный*, *барышинничать*, *барышник*), *грош*, *гульден(т)*, *дюжина*, *ефимок*, *компания* (*кумпания*) ‘торговое объединение’, *кварта*, *квартик* ‘денежная единица’, *ласт*, *марка* ‘денежная единица’, *пара*, *плота* ‘денежная единица’, *рунстик* ‘денежная единица’, *тая* (*тай*) ‘упаковка, тюк’, *тюк*, *терези* ‘весы’, *фунт*, *шкили* ‘денежные единицы’, *ярмарка* (*ярмонка*). К этой же группе отнесем и названия тканей, украшений, драгоценных камней и т. п. как предметов торговли, хотя все эти наименования использовались и в быту: *атлас*, *багрец*, *байберек*, *басма* (*басманый*), *войлок*, *гагрец* ‘сорт сукна’, *гарус* (*гарусный*), *даулбаз* ‘украшение’, *дорога* ‘восточная шелковая ткань’, *зарбаф* ‘род парчи’, *калья* ‘сорт краски’, *киндяк*, *кисея*, *кумач* (*кумачный*), *лоскут*, *лундыш*, *миткаль*, *настрофиль* (*настрофилен*), *обинь* (*обинный*), *огонек* ‘сорт меха, изделие из меха?’, *тафта*, *юфть* ‘сорт кожи’, *яхонт*, сюда же слово *табак* как название запретного товара.

4. Производственная лексика и терминология: *артель*, *буда* (*будник*, *будный*), *бурав*, *гарт*, *латунь*, *майдан*, *поташ*, *сталь* (*стальной*), *сусаль?* (*сусальный*), *ценина* (*ценинный*).

5. Названия всякого рода строений: *амбар* (*анбар*, *онбар*), *замок*, *кабак* ‘строение’ и ‘питейное заведение’, *мыза*, *сарай*, *чердак*, *чулан*, *шалаш*, сюда же отнесем и слово *ратуша* в значении ‘орган городского самоуправления’.

6. Названия диких и домашних животных: *бабр* ‘тигр’, *бахмат* ‘род лошади’, *бирюк*, *изюбрь*, *кабан*, *мерин*, *саранча*. В эту же группу включим и наименования конских мастей: *булан* (*буланный*), *игрень* (*игрений*), *чал* (*чальный*), *чамровый*, *-ая*.

7. Наименования транспортных средств и их частей: *будара*, *галера*, *каторга*, *кибитка*, *стырь* ‘рулевое весло, руль’, *шукта*.

8. Бытовая лексика (названия предметов одежды, обуви и т. п., напитков, конской сбруи): *арака* ‘вид водки’, *башимак*, *водка*, *епанча*, *зепь* ‘мошна, карман’, *зипун*, *кечкас* ‘сосуд’, *кошуля*, *курпек(и)* ‘род обуви’, *мусат*, *mundитук* (*муштук*), *орчак* ‘остов седла’, *сбруя*, *сумка*, *сундук*, *сустула*, *тарель*, *фаразья*, *хустка*, *чарки* ‘род обуви’, *чекмень*, *шляпа*.

9. Прочие слова: *арест*, *буерак* ‘овраг’, *бунт*, *велеможный*, *гвалт* ‘насилие’ и ‘шум, крик’, *кандалы*, *коруна* ‘государство; Польское государство’, *мость* ‘милость’ (*ваша мость*), *пас* ‘таможенное свидетельство’, *рада* ‘совет’, *реш* ‘государство’, *сакма* ‘след и дорога в степи’, *учуг* ‘рыболовное угодье’, *ускирь*, *шиш* ‘разбойник, грабитель’, *шкота* (*школа*), *ясак* ‘натуральный налог’, *ясневелеможный*, *забавитися* ‘задержаться где-н.’, *жадный* ‘никакой’. В челобитных представлен также ряд прилагательных, образованных от иноязычных топонимов и этнонимов: *аглинский*

(англинский), амстрадамский, анбурский, арменский, богдейский, бухарский, кумыцкий, любский и др.

Приведенный перечень заимствованных слов и русских производных с иноязычными основами показывает те лексико-семантические разряды, в которые проникали в XVI–XVII вв. и которые пополняли иноязычные лексические элементы. Большинство заимствований относится к конкретной предметной и вещественной лексике; наименования абстрактных понятий единичны (*арест, бунт, гвалт, коруна, реш, шкота*). Поскольку нас интересует прежде всего функционирование рассматриваемых заимствований в русском языке XVII в., не будем останавливаться здесь на источниках заимствования. Заметим лишь, что более двух третей отмеченных в челобитных заимствований XVI–XVII вв. пришло в русский язык из языков стран Европы.

С точки зрения освоения и особенностей употребления выделенные заимствования делятся на три группы: усвоенные (ассимилированные), «экзотизмы» и иноязычные вкрапления. Охарактеризуем первые две группы и остановимся подробнее на последней.

К первой, основной группе, составляющей около 70% всех заимствований, представленных в челобитных, принадлежат слова, которые в XVI–XVII вв. были полностью усвоены русским языком. На это указывает устойчивое употребление этих слов как в челобитных, так и в других разновидностях актов, а также в иных памятниках письменности, написанных в различных частях Московского государства. Наряду с русскими словами эти заимствования (*артель, аришин, башимак, баиня, бердыш, бурав, войлок, выюк, дюжина, зель, зипун, кабак, лоскут, мусат* ‘стальная полоса для точки ножей; огниво’, *сбруя* и многие другие) применяются для обозначения тех или иных реалий русской действительности. Заимствованиям, входящим в группу усвоенных, свойственно единообразие и нормализованность формы (правда, иногда не совпадающей с формой в современном русском языке, ср., например: *анбар* и *онбар, пинарда, тарель, чюлан, чюмак, ярмонка* и др.) и семантики, наличие в большинстве случаев возникших на их основе уже в русском языке производных. Характер контекстов в челобитных говорит о том, что эти заимствования функционируют не только в письменной, но и в устной, часто даже преимущественно в устной, речи. В качестве примера усвоенных заимствований рассмотрим слово *бунт*.

В русских памятниках существительное *бунт* ‘восстание, мятеж’ (польск. *bunt* ‘то же’ из нем. *Bund* ‘союз, лига’) (Фасм., т. 1, с. 241)⁷ впервые отмечено в середине XVI в.: «Аки в древнии *бунтъ*», Никон. л. 6908 г. (Срезн., т. 1, с. 193), к этому же времени относится появление слова *бунт* в старобелорусском языке⁸. В начале XVII в. *бунт* встречается в приписке

(помете) грамоты к курмышскому воеводе Елагину 1611 г.: «намерен итти к Москвѣ против *бунта*»⁹. В активное употребление слово *бунт* входит лишь в середине XVII в.: «Бѣглые рейтары ... учинили *бунт*, начальных людей били и поворотились в дома свои», Кн. зап. Моск. ст., 1665 (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1, с. 354); «Крамола си есть розрух, *бунт*», Зерцало XVII в. (Срезн., т. 1, с. 193). В исследованных челобитных слово *бунт* дважды употребляет поп И. Алексеев из села Мещерские Горы Нижегородского уезда: «И в то, государь, время в Криволучье учинили мужичья *бунт* и пристали к воровским козаком» (РД, т. 2, ч. 1, № 260, с. 314, 1670 г., см. здесь же *бунтовать*: «И послали меня ... в Бізбылецкую свободу к старостам и ко всем крестьянем уговаривать, что они не *бунтовали* и к воровским козаком не приставали»), его несколько раз используют также суздальский земский староста М. Осьминин (РД, т. 2, ч. 2, № 111, с. 151, 1671 г., см. здесь же неоднократное использование слова *бунтовщик*), галичский воевода С. Нестеров (РД, т. 3, № 140, с. 153, 1671 г.), староста деревни Милованово Алатырского уезда Т. Ивлев: «Ушол твои прикащик Фѣдор да увел с собою ... Мишку, выборнова снь, что в *бунт* уходил» (ИНРЯ, № 18, с. 231) и др. Наряду со словом *бунт* и в таких же обиходно-бытовых контекстах употребляются в рассмотренных челобитных производные от него *бунтовать*, *забунтовать* (РД, т. 4, № 72, с. 66, 1671 г.) и *бунтовщик*, ср. иллюстрации к словам *бунтовать*, *забунтовать* и *бунтовщик* в СлРЯ XI–XVII вв., где отмечены и другие производные: *бунтаиный* (*бундаиный*) ‘неспокойный, смутный’ (1648 г.); *бунтование* (1647 г.); *бунтовник* (1691 г.); *бунтовнический* (1678 г.); *бунтовный* (1689 г.); *бунтовской* (1695 г.); *бунтовство* (1610 и 1661 гг.); *бунтовый* (1665 г.).

Приведенный материал говорит о том, что во второй половине XVII в. существительное *бунт* было полностью освоено русским языком, причем прежде всего общенародной разговорной речью, на что указывают характер тех актовых памятников, в которых оно и его производные встречаются, а также контексты его употребления. В официальной письменности конца 60-х — начала 70-х годов, связанной с крестьянскими волнениями и крестьянской войной под руководством С. Разина, слово *бунт* и его производные не используются. В указах, официальных заявлениях-сказках, таких, например, как Сказка о Стеньке Разине 1672 г., в разрядных записях и т. д. используются термины *скоп* и *заговор*; *воровство*, *воровское нарядное дело*; *воры*, *воровские люди* и др. В официальной письменности существительное *бунт* мы отметим лишь в Уставе воинском 1716 г. (гл. XII. О возмущении, *бунте* и драке. — ПРП, с. 351, ср. Морской устав 1720 г. — ПРП, с. 512).

Среди укоренившихся в русском языке заимствований были и слова более узкие по сфере использования, употреблявшиеся либо в определен-

ном производстве (*буда*, *майдан* ‘росчисть в лесу, место выработки поташа, дегтя’¹⁰, *гарт* ‘место, где сжигаются дрова для получения золы’, *батыщик* и *тередорщик* ‘мастера-печатники’ и др.), либо в сфере торговли (*ласт* ‘мера корабельного груза’, *терези* ‘большие весы’ и др.), военного дела (*лядунка* ‘кавалерийский патронташ’, *капитан*, *похвы* ‘ножны’ и т. д.), но все они являются единственным названием для соответствующей реалии: предмета, лица, явления в русском языке того времени.

Вторую группу заимствований назовем условно экзотизмами¹¹, т. е. словами, называющими либо те или иные явления зарубежной действительности, не имеющие аналогии в русской жизни, а следовательно, и соответствующего наименования в русском языке, либо предметы, лица, явления зарубежной жизни, которые имеют соответствия в русской жизни, но чем-то отличающиеся, специфичные (ср. *комиссар* ‘лицо, приставленное к членам русского посольства за рубежом’ и *пристав* ‘лицо, выполняющее такие же функции при иностранных посольствах в России’). Относящиеся к этой группе заимствования употребляются только на пограничных территориях Московского государства (новгородской, псковской, донской, астраханской, архангельско-холмогорской, тихвинской и др.). Жители этих областей, постоянно сталкиваясь с представителями соседних народов, имели торговые, экономические, производственные связи с жителями стран Запада, Северо-Запада, Востока, были хорошо знакомы с зарубежной действительностью, в некоторых случаях были даже двуязычны или даже трезязычны. Издавая два словаря-разговорника XVII в., М. П. Алексеев характеризует их как «крайне интересные свидетельства занятий *русского посадского человека* этого времени английским и нидерландским языками», и далее: «Интересным кажется прежде всего то, что записи эти делались *посадским человеком*, а не представителем русской знати... На этот раз любознательный грамотный русский гражданин заинтересовался английским и нидерландским языками в чисто практических целях, ради делового общения с иностранцами — торговыми людьми, жившими в русском государстве»¹², и, добавим, за его пределами. Вот, например, что пишет в своей челобитной тихвинский посадский человек А. Шпилькин: «Был я, сирота, за свейским рубежом в Стеколни, и *толмачил* ему, Андрею, в лавке и *пособлял товаров продавать и кушть*, и в те два лета все за ним проходил» (РШЭО, № 250, с. 435, 1683 г.); выходящие из-за рубежа полоняники просят принять их в толмачи Посольского приказа и проверить в знании двух-трех иностранных языков: арабского, турецкого, итальянского и т. д. (см., например, ДД, кн. 1, № 62, 1639 г. и др.).

Естественно, что у жителей пограничных земель в языковом обороте было большое число иноязычных слов, которыми они свободно опериро-

вали: «А в росписи [я] написал [пишет в своей челобитной купец Т. Кошкин] человека своего *судовицика* новгородца Андриюшку Степанова, а по их немецкой речи *шкипаря*, а товару у него написал 75 кож красных ... А как он, королевской таможенник, писал отпускную грамоту, а по их немецкой речи *пас*, и он в *пасу* прописал [‘пропустил’] *судовицика*, а по их речи *шкипаря* новгородца Андриюшку Степанова ... а написал *шкипарем* меня, Тимошку Кошкина» (РШЭО, № 211, с. 344, 1673 г.). В этом тексте выступают и *пас* ‘документ на право провоза товара’, и *шкипарь*, ср. в XVII в. *щипор*, *шкипер*, *ихипор* (из голл. *schipper*, ср. с ниж.-нем. *schippere*, — Фасм., т. 4, с. 449). Употребление этих слов обусловлено стремлением точнее выразить свою мысль, точнее изложить события, что важно при предъявлении претензии в исковом челобитье. Таким образом, в XVII в., как показывают наши материалы, на русском Северо-Западе и Севере в торгово-промышленной, ремесленной, административно-деловой среде («приказные люди» воеводских изб пограничных и не только пограничных городов) хорошо были известны слова *агент*, *бурмистр*, *генерал* (*енерал*, *генарал*) ‘нарвский губернатор’, *губернатор*, *замок*, *кумпания* ‘торговое объединение’ (употребляется синонимично с русским *складчики*), *канцлер*, *комендант*, *комиссар*, *лицент* швед. ‘пошлина с товара, привозимого из внутренней части страны’ (РШЭО, с. 633), *марка*, *рунстик* ‘сверток, связка’, *шкили* ‘денежные единицы’, *мыза*, *ратуша*, *секретарь* и др., а на востоке и юго-востоке территории Российского государства — *абыз* ‘старейшина’, *бабр* ‘тигр’, *мурза*, *сакма* ‘след в степи’, *тай* (*тая*) ‘тюк товара’, *тайша*, *улу* ‘тагарское селение’, *чауш* ‘турецкий посол’, *юрта* и др. Заимствования этого типа составляют 20–25 % всех заимствований, отмеченных в исследованных челобитных.

Приведем лишь несколько примеров употребления экзотизмов в челобитных: «И она, королева, и *бурмистры* и *ратманы* мне [ярославскому купцу А. Кулику] ... по той его заемной кабале на нево, боярина Оксенстернта [шведский государственный казначей барон Оксеншёрна] и чело века его, Якушку, суда не дали» (РШЭО, № 126, с. 186, 1654 г.); «И Свейского государства в городех *генералы* и *губернаторы* и *секретери* и *бурмистры* и *ратманы* и по се число нам [псковским торговым и посадским людям] ... чинили и ныне чинят наипаче прежняго великие разорения, налоги и убытки и протори и тяжкие обиды и неволи» (РШЭО, № 319, с. 532, 1697 г.); «Едучи в Стекольно, взял он, Мелентей, у меня [тихвинца В. Ведерникова] ... русских денег рубль за козушку, гостинцами нес иноземцу, *лиценту* [ошибочно вм. *лизейместр* ‘чиновник, взимающий таможенную пошлину’] цена *два марка*, да у меня ж он взял тут же пряник не с гостинцами, цена 3 *рунстика*» (РШЭО, № 255, с. 438, 1683 г.); «Посылан был я [казак Б. Горожанкин] ... на низ провѣдывать ... про турскаго

чауша, а посылан ... сам пят в станице» (ДД, кн. 1, № 1, с. 203, 1619 г.); «А разоря, государь, меня, богомольца твоего, он, Степан Разин с товарищи, покинул у нас же на *учюге* [‘часток поперек реки; рыболовный участок и строения на берегу для жилья и обработки рыбы’] в *тайке* [‘узелок, тючок’] заверчено всякую церковную утварь» (РД, т. 1, № 99, с. 128, 1669 г.); «А сукна аршин купят в Сибири по десяти алтын и болши, а *чарки* [‘вид обуви’] по полтинъ и по двадцать алтын» (ДАИ, т. 10, с. 57, 1682 г.). Поясним: *учюг* из тюрк.-тат. *иçиу* ‘рыболовный участок’ (Фасм., т. 4, с. 180); *тай* ‘тюк товара, хлопка, шелка’ из нов.-перс. *tāi* ‘штука (шелка)’ через турецк., крым.-тат. *tai* ‘тюк, кипа (хлопка)’ (Фасм., т. 4, с. 10); *чарки* из турецк., крым.-тат., кумык., кирг. *çaryk* ‘грубая обувь крестьян’ (Фасм., т. 4, с. 316), ср. в XIX в. у Даля: «*чарки* и *чары* ... обычная сибирская обувь обоих полов» (т. 4, с. 52).

Иногда экзотизм, бытующий в какой-либо определенной социально-профессиональной среде на определенной территории или вошедший в диалектную речь этого региона, обнаруживается в челобитной, которая написана совсем в другой части Московского государства. Так, существительное *юрт* (*юрта*), заимствованное из тюркских языков (тур., чагат., тел., кыпч. *jurt* ‘место жительства, стоянка, жилище’, тат. *jört* ‘двор со строениями’ — Фасм., т. 4, с. 534), использовалось как наименование жилища народов и народностей, живших на восточных и юго-восточных окраинах Московского государства: «Как вор Стенька Разин ... пришел под Астрахань, и я [юртовский мурза Э. Аймурзин] ... в *юртах* покния все ... ушел на Терек» (РД, т. 3, № 218, с. 240, 1672 г.); «Родка [вишерский вогуленин] в бою винился, что де он Петрушку одинажды батогом у *юрты* ударил» (Перм. лет., с. 520). В особых значениях ‘селенье, казачья станица с относящимися к ней землями’, ‘волость, округ’, ‘хутор с землею’ существительное *юрт* (*юрта*) вошло в XVII в. в русские говоры Дона, см. в наших материалах: «Посылан я [стрелецкий сотник] ... с Воронежа для провожанья в нижние казачьи *юрты* к атаманом и к казаком за твоею государевою казною» (ДД, кн. 1, № 1, с. 213, 1621 г.), ср. обычное: «И они де, атаманы и козаки, тех людей к себе не принимают, да и верхние де *городки* ис казачья *городка* писано, чтоб их ... не принимали» (РД, т. 3, № 134, с. 144, 1671 г.). Интересно употребление в челобитной вологодских помещиков (дворян, детей боярских, атаманов и казаков) уменьшительно-уничижительного образования от *юрт* (*юрта*) — *юртишко*: «А по сыску не велите, государи, наших помѣстей и вотчиннок роззорить, чтоб от того их ложново челобитья *юртишков* своих не отбыли» (МДПП, вып. 1, № II–27, с. 35, 1627 г.). Слово *юртишко* употреблено здесь в составе традиционного оборота: «чтоб мы (нам) ... *домишков* своих не отбыли (отбыть)», ср.: «Вели те деньги взять ... и отдать мне, сиро-

те, чтоб мне от ... тягла и от *домишку* своего от великих долгов не отбыть» (Хоз. Мор., ч. 2, № 54, с. 191, 1659 г.) и многие другие. В севернорусских говорах употребление *юрт* (*юрта*) в значении 'дом, жилище' не отмечено, а следовательно, приведенный выше пример из вологодской челобитной (включение слова *юртишки*) отражает индивидуальное словоупотребление какого-то, возможно донского, атамана или казака, «испомещенного» в Вологодском уезде.

Таким образом, заимствования второй группы в значительной своей части являются элементами социально-профессиональной речи и даже территориальных говоров на окраинах Московского государства XVII в. Знание и использование на этих территориях в течение XVII в. целого ряда слов, которые позже вошли в общенародный русский язык (*агент, бурмистр, генерал, ратуша, компания, комиссар, кибитка, секретарь, изюбрь* и др.), способствовало быстрейшему усвоению этих слов в Петровскую эпоху.

Третью, небольшую по объему, группу иноязычных по происхождению слов, отмеченных в исследованных челобитных, составляют иноязычные транслитерированные вкрапления, слова другого языка, заменяющие соответствующее русское наименование. Появление иноязычных вкраплений в челобитных — одно из свидетельств тесной связи языка челобитных с живой разговорной речью. Автор челобитной (или писец, оформлявший ее) использовал обычное для своей речи или речи окружения (последнее наблюдается в челобитных «смутного времени») иноязычное слово, которое и попадало в текст прошения или жалобы. Такие иноязычные вкрапления часты в челобитных, написанных жителями или от имени жителей (по их «рассказу») пограничных территорий Московского государства, территорий, вновь вернувшихся в состав Русского государства в XVII в. или присоединившихся к нему: западных (смоленской и др.) областей, Белоруссии, Украины и т. д. Число иноязычных вкраплений резко возрастает в переводах («списках») челобитных с белорусского, украинского, польского языков (см., например, в Актах, относящихся к истории южной и западной России), но они встречаются и в челобитных, написанных на русском языке. В наших материалах сюда относятся:

— *балверь* 'цирюльник, лекарь' (польск. и нем. *Barbier* 'цирюльник'): игумен Андреевнов монастыря в Пошехонье Вассиан во время пребывания по делам в лагере польских войск (таборе) был ранен и лечился у польского цирюльника-лекаря, о котором он и сообщает в челобитной-жалобе: «Да меня ж, государь, здѣсь ранилъ ... панъ Долгирдь, и язъ отъ тѣхъ ранъ лежалъ у *балверя* шесть недель, даль отъ лечьбы 4 рубля» (АИ, т. 2, № 236, с. 278, 1609 г.);

— *голдовник* ‘вассал; подданный, давший присягу’ (польск. *holdownik* ‘то же’ от *holdowac* ‘присягать, давать клятву в верности’ из нем. *Huld* ‘присяга’): «Сего ради прошу покорно вашего царского величества, изволь, одинова принявъ подъ высокую руку свою, насъ, верныхъ *голдовниковъ* своихъ, не пометать» (АМГ, т. 2, с. 845, 1656 г.). Автор челобитной А. Храповицкий употребляет вместо обычного для русских челобитных XVII в. этикетного приложения *холопов своих* приложение *голдовников своих*. Аналогичную субституцию обнаруживаем в челобитной Ржевских: «Наияснейшему и великому государю Жигимонту ... бьютъ челою *върные* и *поданные* ваши государьские милости Иванъ да Григорей Ржевские» (АИ, т. 2, № 311–6, с. 369, 1611 г.);

— *жадный* ‘никакой’ (польск. *żaden* ‘то же’): «*Вси маетности* монастыря нашего суть разорены, что до сихъ временъ не имѣли изъ нихъ *жадного* пожитку и прямого поживления» (АЮЗР, т. 10, № 16–II, с. 744, 1654 г.). Кроме местоимения-прилагательного *жадный* в этой цитате находим вкрапления *маетность* (укр. *маєтність* ‘земельные владения, собственность’, ср. польск. *majątność* ‘то же’, укр. *маєток* ‘имение, поместье’) и *поживление* (польск. *pożywienie* ‘средства и продукты для потребления, для жизни’, укр. *поживління* ‘пища’), употребленные вместо русских *вотчина* и *прожиток* или *прокормление*;

— *забавитися* ‘задержаться где-н.’ (укр. *забавитися* ‘то же’, ср. польск. *zabawić się* ‘пребывать, задержаться где-н., остаться где-н. дольше, чем предполагалось; гостить’): «И нам монахам Оршанского монастыря ... продаваючи те книги врознь на Москве *забавитися*» (РБС, № 257, с. 278, 1653 г.), в этой же челобитной дальше находим употребление русского эквивалента: «Вели, государь, у нас те книги взять в государеву казну, чтоб нам ... на Москве за теми книгами не *зажиться*»;

— *кошуля* ‘рубашка’ (укр., блр. *кошуля* ‘то же’, польск. *koszula* ‘то же’), в русских говорах *кошуля* обычно ‘крытый сукном и отороченный мехом овчинный тулуп’ (ярослав., владим., арханг.) или ‘женская рубаха с широкими рукавами, расшитая по подолу’ (курск.), есть и другие значения (см. Даль, т. 2, с. 183): «И ... украли воры [у торгового человека полочанина К. Яковлева] ... в ларце: 340 ефимков ... да платья — *кошуля* шита шолком черным да 2 *кошули* простых» (РБС, № 64, с. 87, 1625 г.);

— *огонок* ‘сорт меха’, изделие из меха’ (польск. *ogon* и *ogonek* ‘меховое изделие из звериных хвостов; пушистые хвосты зверей’): «Да у меня же купил леновит витепской Александр Щегунов 10 лисиц да пару *агонков* собольих» (РБС, № 168, с. 190, 1645 г.);

— *подножек* ‘холоп, раб, вассально зависимый’ (укр. *підніжок* ‘холоп, раболопствующий человек’, блр. *подножник* ‘покорный слуга’), ср. польск. *podnózek* ‘табуретик, скамеечка, служащая опорой для ног’): «Ва-

шого величества, государя нашего милостивого, нижайшие и прямые *подножки* и поданные ... жители богохранимого града Киева» (АЮЗР, т. 10, № 13–7, с. 614, 1654 г.);

— *хустка* ‘платок’ (укр., блр. *хустка*): «И ... украли воры ... 2 утиральника да *фустка* круглая, шита нитьми» (РБС, № 64, с. 87, 1625 г.).

Иноязычными вкраплениями, но уже иного рода, являются также встречающиеся в челобитных 1609–1611 гг. на имя короля Сигизмунда III Вазы, гетманов Сапеги, Жолкевского и др. этикетные элементы польского происхождения: эпитеты-тителы *наияснейший* ‘этикетный элемент, применяющийся по отношению к королю’ (польск. *najjaśniejszy Pan* ‘Ваше величество’, *велеможный* и *ясневелеможный* ‘форма вежливости, употребляемая в отношении гетманов, воевод, каштелянов, министров’ (польск. *wielmożny, jaśniewielmożny*), титул *пан*, соответствующий русскому *государь*; *мость* ‘составная часть титулов вежливости: *твоя мость, его мость*’ и т. п. (польск. *mości* — сокращение от вежливого обращения *wasza miłości*): «*Наияснейшему* и великому государю Жигимонту королю Польскому...» (АИ, т. 2, № 120, с. 148, 1608 г.); «Государю *велеможному пану* Яну Петру Павловичю Сапѣгѣ ... бьетъ челомъ ... чернецъ Левкѣище Смагинъ» (АИ, т. 2, № 128, с. 153, 1608–1609 гг.); «Великому государю *велеможному пану его мости* Петру Павловичю Сопѣгѣ ... бьетъ челомъ ... нѣмчинъ Иванъ Вазовъ» (АИ, т. 2, № 127, с. 152, 1608–1609 гг.); «Государю *пану* Яну ... Сопѣге» (АИ, т. 2, № 119, с. 146, 1608 г., ср. здесь же: «Государь Янъ Петръ Павловичъ, смилуйся, пожалуй» — где все по нормам русских челобитий); «А я в тѣ поры живу при *твоей великой мости* и державѣ» (АИ, т. 2, № 127, с. 154, 1608–1609 гг.; ср. здесь же: «И нынѣ я живу у *тебя, государя*, и пью и ѣмъ твое, *государя своего*»); «Торговал я ... с *паном* Яном Поклонским, с подвоевodem витепским» (РБС, № 168, с. 190, 1645 г.) и многие другие.

Как показывают приведенные примеры, включение иноязычных этикетных элементов в текст русских, построенных по нормам русского делопроизводства, челобитных приводит к причудливому переплетению соответствующих русских и польских этикетных средств: *государю* — *пану* — *его мости* и т. д. Если включение иноязычных наименований тех или иных реалий, понятий, имеющих русское название (*кошуля, хустка, забавитися*), — результат воздействия устной речи челобитчика (или писца), то использование иноязычных этикетных средств обусловлено стремлением перенести традицию оформления актов (челобитных) другого языка, в данном случае польского, на русскую почву.

Анализ словарного состава челобитных XVII в. дал возможность выделить 228 иноязычных по происхождению слов, которые вошли в русский язык не ранее XVI–XVII вв. Среди этих слов представлены наиме-

нования лиц, элементы военной, производственной, торговой лексики и терминологии, названия диких и домашних животных, транспортных средств, бытовая лексика.

Такое количество употребляемых в челобитных заимствований (к этому следует добавить и производные от них слова) в известной степени является свидетельством активного усвоения этой категории лексики не только письменно-деловой, но и русской народно-разговорной речью.

С точки зрения функционирования в русском языке XVII в. заимствования делятся на полностью освоенные, укоренившиеся в русской письменной и разговорной речи (более 70 % отмеченных заимствований) и экзотизмы, которые используются для обозначения реалий зарубежной жизни (около 25 %). Небольшую особую группу составляют иноязычные включения, имеющие точные соответствия в русском языке.

Источники

- АИ* — Акты исторические, собр. и изд. Археограф. комис.: В 5 т. СПб., 1841–1842.
АМГ — Акты Московского государства: В 2 т. / Под ред. Н. А. Попова. СПб., 1890–1901.
АЮЗР — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собр. и изд. Археограф. комис.: В 15 т. СПб., 1863–1892.
ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археограф. комис. Т. 2–12. СПб., 1846–1875.
ДД — Донские дела: В 5 кн. СПб., 1898–1917.
ИНРЯ — Котков С. И., Панкратова Н. П. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII века. М., 1964.
МДПП — Материалы делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII в. Вып. 1. СПб., 1906.
Перм. лет. — Шишонко В. Пермская летопись. Пермь, 1880–1889.
ПРП — Памятники русского права. Вып. 8. М., 1961.
РБС — Русско-белорусские связи: Сб. документов (1570–1667 гг.). Минск, 1963.
РД — Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. 1: (1666 — VI 1660). М., 1954; Т. 2. Ч. 1: (VIII 1670 — I 1671). М., 1957; Ч. 2: (VIII 1670 — I 1671). М., 1959; Т. 3: (1671–1707). М., 1962; Т. 4: (1667–1744). М., 1976.
РШЭО — Русско-шведские экономические отношения в XVII в. М., JL, 1960.
Хоз. Мор. — Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.: Хозяйство боярина Б. И. Морозова. Ч. 2. М., JL, 1936.

Словари

- Бер.* — Беринда П. Лексикон словенороський / АН УРСР. Ін-т мовозн. Київ, 1961 (Пам'ятки укр. мови XVII ст. Серія наук. літ-ры).
Гр. — Грінченко Б. Словарь української мови: В 4 т. Київ, 1907–1909.
ГС — Гессен Д., Стыпула Р. Большой польско-русский словарь. М.; Варшава, 1967.
Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 2-е изд. М., 1955.
Нос. — Носович И. И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М., 1975.
Срезн. — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3 и Дополнения. СПб., 1895–1912.

Фасм. — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; Под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина. М., 1964–1973.

Примечания

¹ Christiani W. Über das Eindringen von Fremdwörtern in die Russische Schriftsprache des 17. und 18. Jahrhunderts. Berlin, 1906; Смирнов Н. А. Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху. СПб., 1910.

² Ошенко И. И. Иноземные элементы в русском языке. Киев, 1915; Рейцак А. К. 1) Германизмы в языке памятников русской деловой письменности XV–XVII веков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1963; 2) О конкретно-историческом подходе к изучению заимствованной лексики // Изв. АН Эст. ССР. 1963. Серия обществ. наук. № 1; Валькова Д. П. Из истории некоторых названий металлов и минералов: (На материале языка «Путешествия в Италию» П. А. Толстого и некоторых других памятников XVII — нач. XVIII века // Программа и тезисы докладов к 7-й научн.-метод. конф. Северо-Западного зонального объединения каф. рус. языка пед. ин-тов. Л., 1965; Кимягрова Р. С. В мире слов // Рус. язык в школе. 1971. № 1; Сабенина А. М. Лексика сферы дипломатических отношений в русском языке XVII века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971; Сергеев Ф. П. Формирование русской дипломатической терминологии: (По данным памятников письменности XI–XVII вв.): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1973; Сороколетов Ф. П. История военной лексики в русском языке. Л., 1970.

³ Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: Языковые контакты и заимствования. Л., 1972.

⁴ Из новейших работ отметим монографию: Щитова О. Г. Неисконная лексика в русской разговорной речи Среднего Приобья XVII века. Томск, 2008. — *Примечание С. Св. Волкова, О. С. Мжельской.*

⁵ Ср. замечания Ю. С. Сорокина о приметах, являющихся показателями полной ассимиляции слова: Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка: 30–90-е годы XIX века. М.; Л., 1965. С. 62–63; см. также: Рейцак А. К. О конкретно-историческом подходе... С. 62–69.

⁶ После слова (основы), которое отмечено в наших материалах только в составе производного, в скобках приводятся производные, в скобках же даются графические и фонетические варианты.

⁷ П. Я. Черных возражает против утверждения о заимствовании слова *бунт* из польского языка и считает, что оно как в польский, так и в русский язык вошло непосредственно из немецкого языка: Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии. М., 1956. С. 204.

⁸ Булыка А. М. Даўнія запазычанні беларускай мовы. Мінск, 1972. С. 51–52.

⁹ Там же. Ср. в словаре П. Берынды, 1627 г.: «Крамола; розрух, *бунт*... Крамолюся: важуся, *бунтуюся*» (Бер., с. 55 (ст. 102)).

¹⁰ Об истории слова *майдан* см.: Качалкин А. Н. Слово *майдан* в истории русского языка // Этимологические исследования по русскому языку. 1972. Вып. 7. С. 86–92.

¹¹ А. К. Рейцак называет эту категорию «ситуативными заимствованиями», выделяя в них «территориально-ситуативные», «социально-ситуативные» и «профессионально-ситуативные», функции которых в тексте по сути своей совпадают, см.: Рейцак А. К. О конкретно-историческом подходе... С. 63–64.

¹² Алексеев М. П. Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII века: Исследование, тесты, комментарии. М., 1968. С. 4.